

Из воспоминаний о Воловике

Ирина Гржебина*

(Париж)

Л. Воловик в возрасте 22 лет

В предисловии к помещенному в этом томе списку художников Русского Зарубежья, которые стали жертвами Катастрофы, упоминается Лазарь Воловик, художник Парижской школы. Он, к счастью, остался жив, но большинство его работ довоенного периода были уничтожены нацистами во время оккупации Франции. До последнего времени в Париже жила сестра жены Л.Воловика, Ирина Зиновьевна Гржебина, которой мы многим обязаны. Ирина Зиновьевна актив-

но сотрудничала с нами в подготовке материалов, посвященных ее отцу Зиновию Исаевичу Гржебину (в 1 и 2 томах нашего издания), помогала подыскивать авторов, а в последнее время - делилась своими воспоминаниями о Воловике.

Привожу отрывки из ее писем.

"Мне помнится, что Вы писали о проекте издать статьи о русских художниках-евреях за рубежом. Хотела Вам послать и не успела монографию Лазаря Осиповича Воловика. Моя сестра была за ним замужем, и они прожили вместе 50 лет! <...> Он художник был изумительный, и все считают, что он лучший из *École de Paris*".

В сентябре 1993 года названная монография была получена; в сопроводительном письме И.З.Гржебина писала:

"В книгу кладу фотографию 1934 года, снятую перед ателье Воловика в *La Ruche*. Слева сидит наш брат Алексей - крестник Горького и названный в его честь**, рядом - Воловик, потом - Лия. Стоит Тэва - младший брат, тогда еще мальчик - он родился в Берлине в 1922 г. Ателье в *La Ruche* много лет было главным в творчестве

* Ирина Зиновьевна Гржебина скончалась 17 августа 1994 г.

** Алексей Зиновьевич Гржебин (1918-1988), биолог, преподавал в университетах Парижа, Мадагаскара, в других странах Африки. Автор большой монографии о сонной болезни.

Воловика. Об этом Вы прочтете в книге Hubert Juin. Этот писатель, поэт, эссеист был моим близким другом и прожил в нашей семье три года. Так что он хорошо знал Воловика. С моим племянником Андреем (нашим с сестрой наследником) мы мечтаем сделать большую выставку Лазаря Воловика в Израиле”.

В конце концов Ирина Зиновьевна согласилась написать о художнике. К этому же времени была закончена статья искусствоведа Марины Генкиной о Лазаре Воловике. Помещая оба материала, полагаем, что субъективная оценка мемуариста прекрасно дополняет объективный взгляд специалиста и наоборот.

Составитель

Мне кажется, что редко творчество художника настолько явно отражает его личность, как это происходит с произведениями Воловика. Какая-то особая сосредоточенность, задумчивая лирика и эта его изумительная способность схватить суть изображаемого объекта, будь то портрет, натюрморт, пейзаж или просто серьезный диалог с собеседником. Элементы “на показ” совершенно отсутствовали как в его картинах, так и в его личной жизни. С Воловиком нельзя было просто “поболтать” о том, о сем, зато спорить и рассуждать на самые разнообразные темы (культуры он был исключительной) - об искусстве, о политике, о литературе - было всегда чрезвычайно интересно. И именно так, вслушиваясь в его своеобразные мысли, удавалось подойти неизбитыми путями к пониманию его творчества.

Вспоминаю бесконечные кипучие доводы скульптора Грановского (“Грано” для монпарнасцев), доказывающего, что произведение искусства обретает ценность лишь тогда, когда оно утилитарно, полезно для существования человека. Его убежденность похожа была на “беспорную” концепцию многих религиозных людей, считающих, что только факт рождения ребенка способен придать смысл сожителю мужчины с женщиной. О роли и цели искусства Воловик был обратного мнения и только отмахивался от напористого потока резонерских фраз Грано: “Да что ты все чепуху несешь?!” Спор возобновлялся на прерванном слове при следующем визите к нам симпатичного Грано.

Думаю, что талант живописца Воловика, признанный всеми его коллегами (феномен довольно редкий, надо добавить), да и самый характер Воловика создавали к нему отношение совсем особое, не стандартно обычное, доминирующее в их кругу. Это отношение сохранилось до самой смерти Воловика.

Лазарь Воловик с женой перед своим ателье в La Ruche

Лазарь Осипович Воловик (по имени-отчеству обращалась к нему только наша мама, которую я называла "Маманя"; на Монпарнасе же звали его только по фамилии, такой был стиль той эпохи и той среды) бежал с Украины в 1920 году в Стамбул, откуда зайцем в компании своего товарища, художника Константина Терешковича, прячась в трюме судна за углем и машинами, добрался до Марселя, а затем уже попал в Париж. Он поселился среди монпарнасских братьев по искусству в знаменитом "La Ruche" - "Улей" - (кстати, во 2-м томе неправильно сказано, что "Улей" находился в квартале Монпарнаса: он был ближе к пассажу Данцига в 15-м районе, около Порт де Версай). Красивый, хорошо сложенный Воловик смог зарабатывать, позируя в Школах живописи, где заодно наворачивал то, чему недоучился на родине. С моей сестрой Лией (Лялей) его познакомила наша подруга Ирина Рачек, первая жена Натана Альтмана. С рыжей гривой волос, очень самоуверенная в своей роли "покорительницы сердец", она много позировала товарищам Альтмана и, зная, насколько материально трудной была жизнь нашей семьи после смерти папы (увы, и до!), привела сестру в "Улей", дабы дать ей возможность хоть немного заработать. Мы с сестрой тогда работали в Русской Частной Опере в Théâtre des Champs Élysées - потрясающей организации, созданной племянником композитора Массне. Миллиардер, много старше известной певицы Марии Николаевны Кузнецовой, женившись на ней в 1928 году, он, в виде свадебного подарка, организовал труппу в 250 человек. В ее составе были знаменитые певцы, балетмейстеры, постановщики, декораторы, дирижера, танцоры, хор в 40 человек, выписанный из Латвии. В верхней части театра были созданы мастерские для декораций, шитья костюмов, сапожная. Годы прожила эта изумительная труппа, менялись директоры и состав, но репертуар, совершенно незнакомый французам, все увеличивался, и колоссальная роль, которую Русская Частная Опера сыграла за рубежом, была несомненно не менее важной, чем знаменитый балет Дягилева.

Я позволила себе сделать это отступление, чтобы подчеркнуть ту особенную атмосферу в тогдашнем Париже, когда русские внесли исключительный вклад в мировое искусство. В живописи École de Paris в эту же эпоху сделала колоссальный сдвиг. Некоторые бескопеечные "голоштанники" - жильцы "Улея" преуспели и оказались вскоре в зените славы, другие же перебивались с хлеба на воду, участвуя в групповых выставках или получая неожиданный заказ. Воловик был в числе последних. После спектаклей в "Рус-

Портрет Марии Гржебиной (1935)

ской Опере" сестра неслась в Лидо или в какое-нибудь кабаре, где танцевала до 2-х утра. Братья Алексей и Товий были в университетах, и мы с сестрой старались изо всех сил, чтобы дать им возможность приобрести максимум знаний. После нескольких сеансов позирования сестры в ателье Найдича и Воловика друзья последнего заметили резкую перемену в нем: он сокращал часы сеансов, или, наоборот, нервничал, часами оставаясь один в ателье, был как-то угрюм, молчалив, неуверен в своей работе. Вскоре он по ночам начал ходить через весь Париж встречать сестру после работы, покупая за последние "шиши" фунтик с засахаренными крошками каштанов. Этот факт объяснил все, и никто не удивился, что Ляля вскоре переехала жить в "Улей". Состояние ателье было в полном смысле слова плачевное, и когда шел дождь, Ляля раскрывала большой зонт, чтобы укрыться хоть отчасти.

В апреле 1938 года я решила открыть балетную школу, и мне удалось настоящим чудом найти в самом центре Монпарнаса пустующее 25 лет ателье знаменитого светского портретиста Каролюса Дюрана. В маленькой улочке, где на мостовой еще росла трава, оказалось старое здание с двумя незанятыми ателье. Нанять одно, заплатив за первый триместр 100 франков, помогла мне Генриетта Романовна Паскар (Либерман), для которой я оформляла ее весьма любительские сценки с разными масками. Мебель ограничилась одним диваном, подаренным той же Паскар, и различными деревянными коколями, подаренными мне кузеном-архитектором при ликвидации советского павильона Всемирной выставки. Из них мы с Андрюшей Шайкевичем смастерили столы, скамейки и полки.

В 1939 Воловик с Лялей переехали ко мне. Перед этим они побывали в Америке и Лондоне, где Ляля работала с французским балетом и куда Воловик ее сопровождал. Там ему удалось познакомиться со своими холстами многих любителей, и имя Воловика начало становиться понемногу известным как в Америке, так и в Париже.

Пришла злополучная пора войны. Увы, никто не мог себе представить, какой кошмар всех ожидал, как и то, что уже творилось и в Германии и в дьявольском царстве Сталина. Помню афиши 3-го сентября, приказывающие всем евреям объявиться в комиссарнате. Ни фамилия Воловика, ни тип его лица не были семитскими, но вот ... он, "как все", явился и получил соответствующие желтые звезды для нашивки на одежду. Ну как теперь это себе представить?!

Накануне входа немцев в Париж мы решили бежать. Целый день простояли мы в огромной очереди на последний уходящий с Гар д'Аустерлиц поезд. Маманя, Воловик с Лялей, сестра Елена, младший брат Товий (старший - Алексей был мобилизован, что, однако, не давало прав Мамане получить от французских властей противогаз: французы быстро склонились к расизму правительства Виши), мне и моему другу той эпохи писателю Яновскому удалось все же сесть в поезд. Куда он шел, было неважно. Главное было то, что он идет в "свободную" зону, подальше от "немчуры". Конечной станцией оказался город Пуатье, где все мы сразу начали помогать Красному Кресту кормить толпы беженцев и бегущих с "фронта" (громко сказано - при сдаче Линии Мажино) солдатиков, брошенных французскими офицерами.

На третий день вокзал Пуатье подвергся сильной немецкой бомбежке, и беженцы устремились подальше на юг.

Воловик решил, что разыщет семью Найдичей в Ля Рошель. Он и Ляля двинулись туда. Но Найдичи уже бежали в Испанию, а немцы были рядом, заняв глубоко по побережью океана все порты. Воловику ничего не оставалось, как вернуться в Париж и жить у меня на Монпарнасе. Мы с Маманей и всей оставшейся компанией ночью добрались до какого-то товарного поезда и в теплушке в обществе все еще растущей толпы солдат покатали в Бордо. Не буду описывать сложные этапы бегства. Через год Маманя с Еленой, Товием и демобилизованным Алексеем вернулись в Париж. Я же с Яновским оказалась в деревне под Монпелье, где Янушу (Яновскому) за ежедневные уколы (он был доктором) больному владельцу дома удалось получить комнату в ожидании бумаг для отъезда в Америку.

Вероятно, в 42 году однажды вечером к Воловикам прибежал наш друг француз, провизор лица Монтень, находящегося рядом с Люксембургским садом, чтобы предупредить их, что лицей реквизирован немцами и надо ожидать облавы на евреев. Быстро собрав самое необходимое и предупредив также пожилую еврейскую даму, жившую в нашем доме, Ляля и Воловик перебрались жить к Мамане в Булонь-Бийанкур. Тут Воловик прожил до конца немецкой оккупации, не выходя даже, когда были налеты и бомбежки. Никто не должен был быть в курсе его проживания у Мамани, где во время визита каких-нибудь чужих он сразу же прятался в дальней комнате. Чтобы не было запаха масляной краски, Воловик совсем

перестал заниматься живописью, но зато в 1943 г. написал потрясающей красоты две пастели. На одной из них Маманя за швейной машиной и я, сидя спиной. Все это изображено с такой легкостью, такой элегантностью и, несмотря на то, что все еле-еле вырисовано, сходство с моделью до такой степени явно, что трудно себе представить, чем и как это достигнуто.

Вблизи от дома Мамани находился автомобильный завод Рено, поэтому американцы часто бомбили весь квартал от Порт де Сан-Клу до Сены в Бийанкуре. При звуке сирен все жители дома сразу спускались в бомбоубежище, но Воловик оставался в квартире и однажды увидел из окна, как снесло целиком дом, стоявший как раз напротив Маманиного. А я в одну из таких бомбежек, в феврале 43 года, возвращаясь в Париж, из окна поезда наблюдала за огненным небом, - зрелище было незабываемое. Бумаги Яновского пришли и позволили ему вовремя укатить в Нью-Йорк, мое же "дело" было утеряно в Марсельском консульстве, затем Америка вступила в войну и выехать было невозможно. Товарищи по балету устроили меня давать классы в частной школе в Ницце, потом Опера Монте-Карло пригласила меня возобновить фокинские "Половецкие пляски". В конце 42 года оказалось, что я жду ребенка от Януша... Увы, вернувшись в Париж, чтобы рожать, изможденная морально и физически, я попала в госпиталь, где меня медицинский персонал просто оставил мучаться 36 часов без всякой помощи. Была война... "ну, одной умученной больше..." После вмешательства Мамани доктор заявил, что кесарево сечение я уже не в состоянии перенести, и ради меня пожертвовали жизнью ребенка. Потом меня спасла только любимая работа.

После освобождения Парижа Воловики снова переехали ко мне на Монпарнас. Боже, какой это был праздник - слышать военную музыку армии генерала Леклера, вошедшей в Париж как раз через ближайшие от нас Орлеанские ворота и проходившей прямо по "нашему" бульвару Распай. И как горько было за тех, кто не дожид до этого дня. Среди погибших были накануне убитые немцами наш двоюродный брат Юра Дориомедов с женой, которые перевозили оружие для русской группы Сопротивления. В Люксембургском саду оставалось последнее гнездо немцев, засевших в подземных бункерах. Оттуда, а иногда с крыш еще раздавались пулеметные очереди, для оккупантов все еще было непонятно, как могли победить их, "сверхлюдей", "властителей вселенной".

Постепенно жизнь стала налаживаться. Мы с сестрой возобно-

вили работу "Школы Русского Балета", создав затем труппу в 40 человек из танцоров, певцов, музыкантов на народных инструментах. Воловик часто сопровождал нашу труппу, пользуясь случаем, чтобы набросать из окна театра какой-нибудь красивый пейзаж, бродячий забавный маленький цирк и т.д. Атмосфера наших странствий Воловику очень нравилась, ведь мы изъездили вдоль и поперек всю Францию, Испанию, Португалию, Швецию, Норвегию...

Личные выставки картин Воловика участились с нарастанием успеха. Надо добавить, что сам Воловик никогда не содействовал ни их организации, ни пропаганде своего искусства, оставляя это заботливым друзьям. Добавлю, что многие пользовались этим его доверием, и после смерти Воловика Ляле трудно было доказать, что за многие картины, оказавшиеся в руках хозяев галерей или даже "друзей", никогда не было Воловику уплачено! Таков был нрав Воловика.

Круг монпарнасских друзей снова собирался ежедневно под вешер в кафе. В ту эпоху избран был "Селект", где гарсоны знали своих клиентов по имени, знали, что кто пьет, какие у кого привычки.

Вечерами по пятницам многие страстные картежники собирались у нас дома и, дико курая, засиживались до 2-х - 3-х часов утра. Сестра, съездившись как кошка, укладывалась на скамью раздевалки учеников в ожидании окончания покера, но, Боже, как долго потом мы не могли разогнать едкий дым папирос.

О последнем этапе жизни Воловика писать мне не хочется: здоровье его резко ухудшилось, после операции им овладела депрессия, которую доктора лишь ухудшали модными успокаивающими средствами, убивая в больном последнюю силу воли. Так было грустно видеть, как сдает талантливый умница, теряя все то, что было дано ему свыше.

Утешение лишь в том, что созданные Воловиком дивные полотна не только его пережили, но продолжают все больше утверждать свою особую ценность. С моим племянником Андреем мы зорко следим за этим заслуженным восхождением.

Невольно сравниваю преимущество творений живописи над созданиями хореографа. Последние уже при жизни авторов искажаются или совсем гибнут, забытые.